



НИТИ НАВЬИ

КРИС БОДЛЕР

Крис Бодлер

Нити Нави

<https://litres.ru/74089013>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она должна была стать жертвой — безмолвной платой за чужие грехи, спрятанной от судьбы на дне лесного озера.

Когда тщеславный Иван-царевич сжигает её единственный оберег, он верит, что разрушает проклятие. Но огонь лишь срывает печать давнего обещания. Сделка завершена, и за княжной Василисой приходит тот, чье имя бояться произносить вслух.

Крис Бодлер

Нити Нави

Глава 1

Пролог

Велесова Ночь. Проклятие бытия.

Сегодня Велесова Ночь. Время, когда рвется гнилая ткань миров.

Я вновь раб воли Богов. Вот уже две сотни лет я вынужден исполнять грязные, мелочные просьбы людей, осмелившихся подойти к границе Навьего Леса.

Дым костров из их жалких деревень и городов стелется до самого моего порога, смешиваясь с инеем вечных сумерек. Они думают, что приносят жертвы: жгут старую одежду, ломают глиняные горшки — будто мерзкий хлам их быта может быть интересен тем, кто ткал миры. Это не жертвоприношение. Это мусор у моих ворот.

Каждый раз я слушаю. О, как я научился слушать! «Урожай у моего соседа богаче», «хочу заполучить мужа соседки», «убери старую жену с глаз долой». Я выслушиваю оправдания поступков, пахнущих страхом, просьбы с едким привкусом зависти и злобы.

Они знают на что идут. Они знают цену. Но, несмотря на

это, они хватаются за мою магию, как за спасительную соломинку, скуля о несправедливости богини Макоши к их жалкой судьбе. Да что они знают о несправедливости богини? Что они знают о настоящем, холодном гневе богов?

Люди приходят за иглами, чтобы укоротить жизнь соседу. За заговором на любовь, которая к утру обернётся омерзением. За красотой, которая сгниёт за год, оставив пустую куклу. Они просят малую толику моей силы — силы, которая когда-то могла останавливать реки и беседовать со звёздами, — чтобы нагадить в своём же углу. И мне приходится дать им это. Не потому, что жажду, а потому, что таково мое проклятье. Я связываю себя с ними невидимыми темными нитями, питающими меня. Я — кукловод и моё участие — потакать испорченным желаниям смертных.

И вот, сквозь чашу, опять шаги. Неуверенные, девичьи. Опять будет нытьё. Опять запах человеческого пота, похоти и слепой надежды. Что же в этот раз? Быть первой красавицей? Сердце соседа-кузнеца?

Однако, надо отдать должное девице, что решилась глубокой ночью ступить на Блудную Тропу. Далеко не каждый отважится пройти путь к Хранителю в ночь, когда граница между Явью и Навью наиболее зыбка. Сама тропа уже является испытанием на прочность — нужно идти через лес, не оглядываясь на голос совы и вой диких зверей, игнорируя плач ребёнка и зов родных голосов сзади.

В конце тропы «счастливчику» откроется поляна с Сереб-

ряным Колодцем, за которой начинается стена Навьего леса, куда вход смертным без особого разрешения заказан.

Серебряный Колодец — это не просто источник. Это шрам на теле мира, место, где в давние времена я решился бросить вызов богам. Здесь ткань реальности до сих пор тонка и прохудилась.

Колодец не копанный, а выросший — его края похожи на наплывы окаменевшего лунного света, а вода в нём неподвижна и отражает не небо, а звёзды, которых нет на небосводе. Это место остановившегося времени, идеальная точка для контакта с тем, кто сам выпал из его потока.

Тень моя лежит на поляне, длиннее и гуще, чем стволы вековых сосен. Я наблюдаю через Зерцало, как она, подходит к колодцу, достает нож и без тени колебания разрезает себе ладонь.

Ни капли страха, ни молитвы, ни заклинания. Для девицы это словно простой, грубый ритуал. В её жесте нет истерии или вероломства — есть лишь холодный расчёт. Она бросает вызов всем богам: «Вот моя кровь. Теперь дайте то, что мне нужно». Это... редкость.

Большинство дрожат, капая кровь, оглядываются по сторонам словно воришки. Или делают это с пылом фанатика. А эта... Она будто платит медяком убогому иль нищему. Её кровь, три капли, падают в неподвижную воду Колодца. И вода, всегда показывающая лишь чужие звёзды, **вздрагивает**. Не просто показывает тропу. Поверхность на миг тем-

неет, проглотив её жертву без остатка, а потом выпускает туманную дорожку, что вьется, как дым.

Интересно. Очень интересно. Я подаюсь вперед к Зерцалу, опираюсь на подлокотники своего трона и, впервые за несколько десятков лет, с любопытством наблюдаю за ночной сценой.

Обычно кровь кричит в воде — страхом, жадностью, отчаянием. Её кровь упала **тихо**. Не крик, а... заявление. Я чувствую запах от её отражения в Зерцале, к тому, что осталось в воде после неё. Запах. Запах не страха и не похоти. Запах холодного озера поздней осенью. Запах тины, промозглого камня и... пустоты. Гниющей пустоты. В ней нет жизни её собственной. Есть лишь ядовитая, мшистая впадина, которая хочет заполниться чем-то чужим, ярким, тёплым.

Она ступает на тропу, и чаща смыкается за ней. Теперь она в моём дворе.

Я растворяюсь в воздухе, становлюсь частью сквозняка, что гуляет меж стволов у края поляны. Пусть подойдёт. Пусть почувствует.

Она выходит из тумана. Не крестьянка. Платье, испачканное в грязи и хвое, но дорогое. Тяжелые пряди волос цвета чистого золота, выбившиеся из растрепанных кос, безжизненно липнут к бледным щекам — некогда гордость знатной девицы, а теперь лишь тусклый отголосок отнятой, растоптанной жизни.

Лицо её не измучено голодом или нуждой, оно изъедено

— изнутри. Не тяжкий труд наградил её чело первыми морщинками, а какая-то едкая, неусыпная мысль.

Когда она поднимает голову, в её глазах, некогда безмятежных, цвета ясного летнего неба, я наконец вижу то, что уловил в запахе крови. Небесная синева в них вымерзла, заледенела. Там осталась только пустота, жаждущая наполнения. Голод. Почти родной.

Она останавливается в конце тропы, где дорожка теряется в гуще трав и начинается стена тьмы Навьего леса. Она не зовёт. Не плачет. Она стоит и ждёт. Понимая, что цена за вход уже уплачена, и теперь очередь за тем, кто взял плату.

Я решаю поиграть с гостьей и начинаю материализоваться не сразу. Сперва — холод, сжимающий сердце. Потом — запах старого льда и пыли на забытых свитках. Потом — звук, лёгкий, как падение пера: моя тень падает на траву перед ней, длинная и безобразная. И только затем я позволяю форме обрести черты, выходя из тьмы леса, как из врат Царства Нави.

Мы молчим. Она смотрит на меня. Не отводит взгляд, не сделав и шагу назад, не вздрогнув. В её зрачках нет отражения — они словно поглощают свет.

— Я пришла не за любовным зельем, Хозяин Нави, — её голос сорван, но тверд. — Мой дом сожжен. Мой отец, мать и трое братьев убиты. А тот, кто их вырезал, сейчас празднует победу. Он забрал мои земли, принес в дар их своей молодой жене, и она на днях родила ему дочь. Он упивается своим

безоблачным счастьем, построенным на костях моего рода.

Она замолкает на мгновение, и я вижу, как в её глазах разгорается адское пламя.

— Я хочу отнять у него всё, переписать его судьбу. Я хочу, чтобы его жена сгнила заживо. Я хочу, чтобы сам он превратился в безвольного пса у моих ног. Мне нужно оружие, чтобы выжечь его род дотла.

О, какая знакомая мелодия. Жажда переписать. Жажда стать автором там, где тебе выпала роль чернильной кляксы. Но в её словах — не бунт творца. В них — тихая, методичная кара того, кто решил отвоевать своё место под солнцем с ножом в руке.

— Судьбы не переписывают, — отвечаю я, и мой голос звучит как трение одного ледника о другой. — Их подчищают. Выжигают. А на обугленном месте... проступает то, что было скрыто под текстом. Чаще всего — ничего. Готово ли твоё «ничего» стать фундаментом твоей крепости, Радмила?

Она вздрагивает, услышав своё имя.

— Да, — говорит она без колебаний. — Моё «ничего» лучше чужого «всё». Дай мне инструмент. Дай мне **иглу**, которой можно распороть готовый узор и сшить новый.

Она не просит. Она формулирует задание. Я чувствую, как во мне шевелится нечто, похожее на уважение. К отчаянной, гнусной, но **честной в своей подлости** твари.

Я протягиваю руку. На моей бледной ладони возникают три длинные, темные иглы.

— Первая игла — Увядание, — мой голос звучит как скрип вековых льдов. — Спрячь её в покоях его молодой жены, и никакие лекари мира не спасут её от могилы. Вторая игла — Оморочка. Вколи её в венец князя. Его разум погаснет, а воля станет твоей. Он забудет всё и сделает тебя полноправной владычицей твоих же земель.

Девушка тянется к иглам, но я сжимаю пальцы, оставляя на виду лишь третью.

— А это, княжна, — мой Вексель. Третья игла. Плата за то, что ты берешь силу Нави.

Она замирает, глядя на тусклый свинец металла.

— Чего ты хочешь взамен?

— Жертву крови, — тихо отвечаю я. — Ты станешь женой своего врага и понесешь от него дитя. Когда ты родишь дочь, ты вошьешь эту иглу вместе с её младенческим локоном в её первую куколку-оберег. В день её восемнадцатилетия ты сожжешь эту куклу, и девочка перейдет ко мне, в царство теней, как плата по счету.

— А если я откажусь? — холодно спрашивает она.

— Если ты обманешь меня, не отдашь дитя или не сожжешь куклу в срок, игла отравит её человеческую суть. Днем твоя дочь будет превращаться в скользкую болотную тварь, прячущуюся от солнца. И ты сама, не в силах смотреть на её муки, приведешь её ко мне.

Я жду, что она отступит. Отдать нерожденное дитя тьме — цена, неподъемная для многих. Но для той, чей мир

был уничтожен, будущего не существует. Существует только месть.

— Согласна, — чеканит Радмила.

Девушка забирает три иглы, расплатившись прядью своих волос, которая вспыхивает в моей руке и обращается в черную, неразрывную нить магического долга. Радмила разворачивается и уходит во мрак Блудной Тропы, унося с собой гибель для княжеского дома.

Я подхожу к Колодцу, глядя на черную нить, обвившую мои пальцы. Нить её долга. Нить, что спустя время подарит Нави невинную душу.